

Роль схоластики: действительная и мнимая

Одной из наименее исследованных областей истории экономической науки по-прежнему остается эпоха феодализма. Ее анализ занимает чрезвычайно скромное место в советских и зарубежных курсах по истории экономических учений. В этой связи значение исследования, предпринятого Йозефом Алоизом Шумпетером (1883—1950) в "Истории экономического анализа" (1954)¹, трудно переоценить. Значение тем более очевидно, что автор концентрирует внимание читателей не на формальном перечислении ученых, которые так или иначе рассматривали экономические вопросы, или списка книг, на страницах которых нашли отражение те или иные экономические проблемы, а на анализе истоков, содержания и исторических судеб учения средневековых схоластов. Такой подход позволяет автору, с одной стороны, показать преемственность в развитии западно-европейской экономической мысли, а с другой стороны, рельефнее отразить наибольшие достижения интеллектуалов средневековья.

Конечно, такой подход таит в себе определенные опасности. Во-первых, он грешит абсолютизацией роли Западной Европы, вне поля зрения автора оказывается экономическая мысль Византии, восточно-европейских стран (в том числе России), стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока². Общеизвестно, например, какой большой вклад в развитие экономической науки внесли ученые мусульманских стран Аль-Фараби (870 - 950), Ибн Сина (Авиценна, ок. 980 - 1037), Ибн Рушд (Аверроэс, 1126 - 1198), Ибн Хальдун (1332 - 1406) и др. Между тем роль ученых этих стран важна не только сама по себе, но и в общем контексте развития мировой экономической мысли. Именно арабские ученые (и это признает И. Шумпетер) сохранили и передали европейцам значительную часть античного наследия, и прежде всего основные произведения Аристотеля, чем подготовили расцвет схоластики в XIII в.

Во-вторых, И. Шумпетер рассматривает лишь период развитого средневековья. Как и в первой главе второй части, автор не показывает становление системы.

И. Шумпетер предпочитает анализировать уже сформировавшиеся структуры. Конечно, в эпоху раннего феодализма мы почти не встретим законченных экономических учений. Однако эта эпоха важна своими попытками осмысления закономерностей развития феодального хозяйства. К VIII — IX вв. относятся первые попытки управления

¹ Начало публикации "Истории экономического анализа" И. Шумпетера (часть 1; часть 2, гл. 1) см.: Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 235 - 310.

² Подробнее об экономической мысли этих стран см.: Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 187 - 353 (далее ВИЭМ).

экономической жизнью феодального государства. Об этом, в частности, свидетельствуют изданные франкскими королями в VIII - IX вв. указы и распоряжения "Капитулярии": "О чеканке монеты", "О ссудном проценте и ростовщичестве", "О регламентации торговли", "О внутренних таможенных пошлинах" и др. Система организации натурального производства нашла отражение в "Капитулярии о поместьях IX в.", служившей своеобразной инструкцией по ведению хозяйства в королевских имениях.

Подробное описание крестьянских наделов, а также повинностей, которые выполняли их держатели, донесли до нас многочисленные "Полиптики" той эпохи (Сен-Жерменский, Фульдский и др.). Вообще следует заметить (и в этом вопросе, к сожалению, данная книга не является исключением из других курсов по истории экономической науки), что И. Шумпетер анализирует главным образом понятия товарного производства (цена, деньги, процент и др.), оставляя без внимания категории натурального хозяйства.

В-третьих, И. Шумпетер; концентрируя свое внимание на схоластической доктрине, характеризует экономическую мысль феодальной эпохи в ее наиболее обобщенном, в известном смысле космополитическом варианте, абстрагируясь от сословных различий отдельных классов и национальных особенностей важнейших западно-европейских стран. Правда, он пишет о гетерогенности феодализма, однако понимает ее весьма своеобразно — как синтез феодальных и буржуазных отношений, как "симбиоз двух существенно различных и в основном, хотя и не полностью антагонистических общественных систем"³. Однако при этом само понятие "капитализм" употребляется не вполне корректно. У И. Шумпетера оно характеризует не общественно-экономическую формацию, а служит для обозначения возникших в античную эпоху товарно-денежных отношений и допотопных форм капитала⁴.

Действительно, феодальное общество не было однородным. Однако это не была неоднородность разных социально-экономических систем. Это общество состояло из четырех феодальных сословий: крестьян, светских феодалов, церковных феодалов и горожан. Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свое видение мира, свою систему ценностей. Поэтому мы можем говорить о четырех типах экономического мышления в феодальную эпоху⁵. К сожалению, в поле зрения И. Шумпетера попал лишь один тип, объективно выражающий взгляды священнослужителей, и то главным образом на официальном, интернациональном, интеллектуальном уровне (фактически отсутствует

³ Schumpeter J. History of Economic Analysis. L., 1986. J1. 75.

⁴ В этом контексте становится понятным, почему И. Шумпетер считает, что в недрах феодализма существовали буржуазные классы. "Римская промышленность, торговля и финансы не были уничтожены повсеместно. Даже там, где они были уничтожены, или там, где они никогда не существовали, они - а значит, и буржуазные по своему характеру классы - появились или возродились еще до времен Св. Фомы (XIII в. - Р.Н)" (Schumpeter J. Op. cit. P. 74 - 75).

анализ крестьянско-плебейских и бюргерских ересей и даже экономических взглядов крупнейших деятелей Реформации: М. Лютера, У. Цвингли и Ж. Кальвина).

И. Шумпетер относит римскую католическую церковь к "нефеодальному по своему происхождению и природе фактору "средневековья"⁶. Однако с этим утверждением, выраженным в столь категоричной форме, вряд ли можно согласиться. Действительно, христианство возникло в период разложения рабовладельческого строя, однако можно ли его отнести к наиболее органичным элементам этой системы? Скорее наоборот, оно подготовило идейные предпосылки феодализма. К тому же И. Шумпетер пишет не о христианстве вообще, а о римско-католической церкви. Ее оформление и расцвет произошли именно в недрах феодальной системы, когда Священное писание было дополнено Священным преданием. В результате христианство в его римско-католическом варианте приобрело несомненные феодальные черты. Римско-католическая церковь становится крупным земельным собственником-феодалом, эксплуатирующим феодально зависимых крестьян, взимая либо всю феодальную ренту (на принадлежащих ей землях) или ее часть (присваивая церковную десятину). Церковная иерархия органически вписалась в феодальную социально-политическую систему, ее сословную структуру. Именно в эпоху феодализма сложилась монополия церкви на интеллектуальное образование, "догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя"⁷.

Действительно, положение римско-католической церкви в эпоху западно-европейского средневековья было исключительным. Тем не менее, не следует забывать, что вселенская христианская культура выражала лишь одну сторону средневековья. Латинский характер культуры верхов дополнялся местным, национальным характером культуры низов. Именно в эпоху средневековья из обилия диалектов и наречий формируются европейские языки, возникают народности, образуются централизованные государства. К сожалению, эта вторая часть средневековой культуры, отражающая национальные особенности экономического мышления Англии, Франции, Германии, Италии, Испании и других государств Европы, также не получила отражения на страницах книги И. Шумпетера.

В соответствии с традициями старой исторической школы (В. Рошер, К. Книс др.) И. Шумпетер подробно анализирует экономическую доктрину схоластов. Он справедливо указывает, что основными источниками их учения были античная философия (главным

⁵ Подробнее см. ВИЭМ. Т. 1. С 159 - 164.

⁶ Schumpeter J. Op. cit. P. 75.

образом произведения Платона и Аристотеля, а также Сенеки, Цицерона и др.), патристические сочинения (труды Святого Августина, Дионисия Ареопагита и др.) и римское законодательство. Как реакция на начавшуюся в конце XI в. рецепцию римского права в каноническом праве разрабатывается ряд вопросов, и прежде всего учение о справедливой цене и осуждение процента.

Для того чтобы понять истинное значение вклада схоластов в историю экономического анализа, необходимо хотя бы кратко указать на характерные черты их учения в целом. Это тем более необходимо, так как позволяет понять схоластическое теоретизирование как таковое, его достоинства и недостатки.

Важнейшей характерной чертой средневековой схоластики было преобладание заимствования, подчинение авторитету. В роли авторитета оказалось не только Священное писание, но и творения отцов церкви, труды Платона и Аристотеля. Преданность великим учителям, сочинения которых считались "подлинными", проявлялась прежде всего в том, что ссылки на них — цитаты — являлись главным аргументом в споре. Конечно, подчинение авторитетам не было слепым и рабским. Однако даже там, где схоласты вынуждены полемизировать с авторитетами, они с трудом освобождаются от их огромного влияния.

В учении схоластов большую роль играла традиция. Традиционные основы занимают в экономических системах гораздо большее место, чем нетрадиционные, разработанные тем или иным автором. Даже крупные ученые-схоласты отличаются друг от друга главным образом способом синтезирования традиционного материала, а не созданием принципиально различных систем.

Новое рождается как синтез параллельных или родственных традиционных течений. Отсюда не только преемственность, но и удивительное однообразие схоластических сочинений. В этих условиях много творческих сил уходит на изучение традиции, главным становится не создание новых концепций, а кропотливая разработка деталей старых. Схоластическое исследование направлено не на изучение и обобщение практики, а на накопление суммы объективных "вечных" истин. Поэтому становится понятной следующая характерная черта схоластической науки — ее школьный характер.

В средневековую эпоху, когда индивид поглощается корпорацией, а личность заслоняется обществом, школа приобретает огромное значение. Само слово "схоластика" обязано своим происхождением школе. Первоначально оно означало учителя и ученика семи свободных искусств, а позднее — уже каждого занимающегося школьной наукой.

Однородность схоластического учения достигалась благодаря тождественности авторитетов, методов исследования и основных воззрений.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч, 2-е изд. Т. 7. С 360 - 361.

Первоначально школьный элемент не был выражен сильно, однако позднее, с ростом университетов и образованием средневековых орденов (францисканцев, доминиканцев, августинцев и т.д.) корпоративный элемент нарастает. Возникают замкнутые школы последователей Фомы Аквинского (1225 или 1226— 1274), Иоанна Дунса Скота (ок. 1266 - 1308), а позднее Уильяма Оккама (ок. 1300-1349 или 1350). Собрания преподавателей университетов решают, чему следует и чему не следует учить. Принадлежность к школе определяет темы исследований, их идейную направленность и метод доказательств.

Большое значение в этих условиях приобретают создание гибкой терминологии, развитие определений понятий, способов их разделения и соединения. Из средневековой схоластики в наш обиход проникли такие термины, как объективное и субъективное, а priori и a posteriori и многие другие.

Значительное развитие получает формальная логика. Доказательство приобретает форму разнообразных силлогизмов, которые, конечно, не годятся для вывода новых знаний, но вполне подходят для систематизации уже накопленного школьной наукой багажа.

Средневековые схоласты больше всего заботятся о логичности содержания, что постепенно отражается и на стиле их произведений, написанных однообразной и скучной прозой. Сухие формулы вытесняют образный и метафоричный язык, характерный для сочинений раннего средневековья. Конкретное заслоняется абстрактным, эмоциональное — рассудочным, личное — общим. Такая форма вполне отвечает как безличному характеру схоластической литературы, так и ее дидактическому настрою. Не случайно, что в противовес схоластике развивается мистика.

В период становления и расцвета схоластики преобладает стремление к гармонии. Ученые пытаются согласовать истины, освященные авторитетом церкви, собственными представлениями, найти аргументы в подтверждение этих истин. Это особенно наглядно отражается в своеобразных средневековых хрестоматиях — "Суммах", которые писали преподаватели университетов для своих студентов. Эти сборники-конспекты содержали обычно не только выдержки из важнейших книг, но и комментарии составителя.

Необходимость согласования изречений различных авторитетов ("сентенций") и противоречивых рассуждений о самих предметах рождает стремление представить абсолютные противоположности как относительные путем логической обработки понятий. Первый опыт такого согласования мы встречаем у П. Абеляра (1079 — 1142). В дальнейшем вырабатывается определенная схоластическая схема. Классическое выражение она получает у Фомы Аквинского. В "Сумме теологии" проблема формулируется обычно в форме вопроса, после чего приводятся возражения и аргументы в его поддержку. Опровержение состоит из трех частей. В качестве главного аргумента обычно приводится цитата из Священного

писания или сочинений отцов церкви, далее следует изложение собственного мнения автора и причин, его породивших, и, наконец, опровержение доводов, выдвинутых в первоначальном возражении. В этой связи трудно согласиться с И. Шумпетером. Защищая схоластов, он пишет, что "обвинение в том, что безусловное подчинение авторитету церкви делало рассуждения этих ученых монахов несостоятельными с научной точки зрения, оказывается безосновательным"⁸.

Конечно, подчинение схоластов римско-католической церкви не было абсолютным. Однако не следует забывать, какое место было отведено их доктрине в общей системе средневекового мировоззрения. В это время знание было поставлено на службу вере, являлось дополнительным аргументом в поддержку Священного писания. Средневековая схоластика стремится разрешить прежде всего богословские задачи, показать земной миропорядок как следствие неземного. Главным в этих условиях становится не исследование внешней природы или человеческой жизни в ее историческом развитии, а познание бога как первопричины и цели развития общества. Средневековое мышление носит трансцендентальный, умозрительный характер. Широкий полет метафизики не сдерживается ничем. Рассуждения ведутся, как правило, в отрыве от конкретных эмпирических исследований: как в области естественных, так и гуманитарных наук.

Средневековому мировоззрению чуждо подлинно историческое понимание фактов. Оно не критично, оно любит мерить все понятия абсолютными мерками, не замечая, что на них лежит отпечаток современной ученым эпохи. Это не значит, что ученые ничего не писали о прошлом и будущем, однако такой подход не имел ничего общего с историческим рассмотрением развития предмета, так как прошлое получалось посредством обратной проекции из настоящего, а будущее выводилось путем логического дедуцирования. Главную роль при этом играла формальная логика. Она являлась не методом исследования реальных проблем реальной экономики, а лишь способом синтеза понятий.

В этой связи большое значение приобретает дедуктивный метод. Он позволяет создавать все новые и новые понятия, с помощью которых создаются хитроумные логические системы, напоминающие готические храмы. Безудержный рост понятий, конечно, способствует накоплению книжной премудрости, усложнению школьных программ. Однако игра в понятия все более и более входит в противоречие с потребностями реальной жизни.

Это касается и канонического права, с помощью которого пытались регулировать экономические процессы. Дело в том, что экономическая доктрина канонистов была скорее сводом правил поведения индивидов в соответствии с принципами всеобщей

⁸ Schumpeter J. Op. cit. P. 77.

справедливости, чем обобщением реальных фактов экономической жизни. Экономические проблемы рассматривались с позиций морали, моральной справедливости, с позиций общего блага как конечного критерия деятельности людей.

Понимание справедливости как пропорциональности (эквивалентности) восходит как к Аристотелю (Никомахова этика, V, 1133b), так и к первоначальному христианству ("Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам" — Мк., 4:24; Мф., 7:2; Лк., 6:38). Эти этические нормы поведения и были перенесены канонистами в сферу экономики, что нашло отражение в учении о "справедливой цене". Понятие "справедливой цены" было выработано в противовес римскому праву. Согласно последнему цена определялась в результате свободного договора. Каноническое право понимает под "справедливой ценой" типичную рыночную цену, складывающуюся при нормальных условиях производства. Это означало, что "справедливая цена" не зависит от случайного волеизъявления участвующих в торговой сделке контрагентов — покупателя и продавца. Впервые такая идея встречается уже у Святого Августина в трактате "О троице" (De Trinitate, 13, 3). Дальнейшее обоснование идея "справедливой цены" получила в трудах канонистов, в "Сумме теологии" Фомы Аквинского "справедливая цена" рассматривается как частный случай проявления справедливости вообще. Исходя из того что справедливость определяется как "постоянное твердое желание давать каждому то, на что он имеет право", Фома Аквинский осуждает попытки продажи вещи дороже их стоимости. Опираясь на Евангелие, он прямо полемизирует с римским правом (Summa Theologiae, Secunda Secundae, quaestio LXXVII, articulus I), Однако он допускает исключение, предполагающее продажу вещи по цене выше ее стоимости. Цена будет справедливой, считает он, и в том случае, когда покупатель вещи в ней остро нуждается, а продавец пострадает, уступив ее. Более высокая цена в данном случае компенсирует ущерб, понесенный бывшим владельцем вещи.

Такой подход к "справедливой цене" усиливает субъективный аспект ее понимания. Развитие этой идеи приводит к тому, что "справедливой ценой" считают не только такую цену, которая отражает издержки производства и транспортировки продукта, но и обеспечивает соответствующее каждому сословию существование. Поэтому оформившееся к концу XV в. каноническое право подразумевает под "справедливой ценой" не только типичную рыночную цену, но такую цену, которая была назначена при участии облеченных доверием людей, определивших ее в соответствии с принципом всеобщей справедливости. Очевидно, что от такого определения "справедливой цены" до оправдания процента лишь один шаг.

Учение о проценте, как известно, еще более тесно, чем учение о "справедливой цене", связано со Священным писанием. "Взаимы давайте, — говорится в Евангелии от Луки, — не

ожидая ничего" (Лк., 6:35) . Сначала, правда, это правило касалось лишь духовенства, однако позднее (со времен Карла Великого) оно было распространено на все население.

Рецепция римского права показала, однако, что оно находится с ним в вопиющем противоречии. Так, в Кодексе Юстиниана, который интенсивно начали изучать в XII в. в средневековой Европе, были установлены определенные нормы процента для различных ссуд: 12% — под корабельные грузы, 8% — для торговых операций и 4 — 6% - для прочих (Codex. IV. XXXII. 26. § 2). В этих условиях канонисты, формально опираясь на римское право, пытаются обосновать положения, которые ему прямо противоречат. Их "доказательства" основаны на различении потребляемых (хлеб, пиво, вино) и непотребляемых (дом) вещей. Деньги они относят к первому типу благ. Поэтому, заключают канонисты, требование процента равносильно продаже вещи и требованию платы за ее пользование, т.е. по существу означает двойную продажу, что противоречит римскому праву. Рассматривая ссуду как продажу в кредит, они не принимали во внимание аргумент о том, что при этом необходима плата за потерю времени. Время, рассуждали они, — божье достояние, которым нельзя торговать. Характерно, что этот аргумент использовал и Фома Аквинский (Summa Theologiae, Secunda Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2). Однако эти метафизические построения были далеки от практики хозяйствования. Господство натурального хозяйства в средневековой Европе имело своей оборотной стороной развитие ростовщичества. "Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, - справедливо заметил К. Маркс в "Капитале", - тем больше расцветает ростовщичество"⁹. Поэтому не удивительно, что с течением времени в рамках схоластического учения нашлось место для оправдания процента.

С этой целью средневековые схоласты различали в сделках два вида ущерба от неисполнения в срок ссудных обязательств: понесение убытка (*damnum emergens*) и йеполучение прибыли (*lucrum cessans*). Первый случай рассматривался как вполне законное основание для взимания процента. Так считал, например, и Фома Аквинский, хотя формально не называл эту сделку ростовщичеством (Summa Theologiae, Secunda Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2). Однако уже этот случай открывал широкие "законные" основания для получения процента, Достаточно было установить "бесплатную" ссуду на очень короткий срок (например, 3 месяца), чтобы по истечении его получать очень высокие проценты. В Западной Европе они достигали в XII - XIV вв. 43 1/3 и даже 60%.

И, Шумпетер подробно останавливается на более позднем варианте обоснования получения процентов, когда схоласты стали связывать его существование с предпринимательской деятельностью. Такое объяснение, безусловно, составляло шаг вперед

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч, 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 160.

по сравнению с ранней схоластической доктриной. К тому же, и это следует особо подчеркнуть, позднейшая каноническая теория фактически рассматривала процент как часть промышленной или торговой прибыли, т.е. объективно носила уже буржуазный характер. Несомненно, такая теория должна была найти положительный отклик и в сердце И. Шумпетера, который сам рассматривал процент как своеобразную плату за технический прогресс¹⁰.

И. Шумпетер любит сложность логических построений поздних схоластов. Он не хочет квалифицировать их метафизические системы в качестве серии попыток, прикрывающих отступление церкви от первоначальной позиции. Тем не менее в значительной мере дело обстоит именно так. Начав с запрещения ростовщичества, католическая церковь постепенно сдавала одну позицию за другой и закончила тем, что к концу средневековья фактически легализовала его. Об этом свидетельствует и учение о ренте, маскировавшее ростовщичество покупкой ренты; и учение о праве товарищества (когда получение прибыли обосновывалось риском совместной торговой операции); и ипотека судна (договор бодмерей); и тройной договор; и оправдание государственных займов; и обоснование учеными ордена францисканцев "справедливости" выдачи под небольшой процент ссуд фондами для благотворительных нужд. Наконец, об этом наглядно свидетельствует определение ростовщичества, данное Латеранским собором; "Под именем ростовщичества следует понимать тот случай, когда заимодавец желает извлечь барыш из пользования такою вещью, которая сама по себе не приносит плода (в противоположность таким вещам, как стадо, поле), не неся притом ни труда, ни расходов и не подвергаясь риску"¹¹.

Данное определение ростовщичества предоставляет массу лазеек нарождающейся буржуазии. Достаточно было представить процент как результат "труда", "расходов", "риска" или облечь в форму "товарищества", чтобы избежать осуждения церкви. Такое определение не только составляло шаг вперед по сравнению с ранней схоластической доктриной, но и фактически означало легализацию ростовщичества, осуждался уже не процент как таковой, а лишь его высокая ставка.

Конечно, оценка схоластов в "Истории экономического анализа" И. Шумпетера оказалась несколько завышенной. Этим, видимо, главным образом и объясняется недооценка в этой книге экономических концепций эпохи Возрождения и Реформации. Тем не менее нельзя отрицать, что каноническое учение сыграло важную роль в истории нашей науки.

¹⁰ Подробнее см.: Шумпетер И. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры), М.: Прогресс, 1982, Гл, 5,

¹¹ Цит, по: Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. С 755.

Благодаря усилиям схоластов удалось не только сохранить значительную часть античного наследия, но и разработать достаточно стройную и в известном смысле непротиворечивую теорию. В учении канонистов мы встречаемся не с простой фиксацией отдельных экономических понятий, а с попыткой создания логической системы категорий; системы, правда, сильно оторванной от реальной жизни. Этот первый опыт схоластического теоретизирования оказался не только полезным, но и порой весьма заманчивым для последующих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

*¹ Оценка вклада Византии в историю экономической мысли в книге И. Шумпетера явно занижена. Дело в том, что экономические взгляды в эпоху средневековья как на Западе, так и на Востоке отражались прежде всего в развитии права. И византийское законодательство в этом плане чрезвычайно интересно. Достаточно указать на "Земледельческий закон", "Эклогу", "Исагогу" и др. (подробнее см.: Культура Византии IV - первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С.358 -370; Культура Византии вторая половина VII — XII в. М.: Наука, 1989. С. 216 —240). Однако были и специальные произведения, посвященные экономическим вопросам. Конечно, многие из них утеряны, однако далеко не все. Укажем, в частности, трактаты Николая Кавасилы "О ростовщичестве" и "Против ростовщичества", речи Георгия Плифона, письма Виссариона Никейского.

*² Выступая против вульгаризированного марксизма, И. Шумпетер здесь смещает акценты, забывая о том, что в антагонистическом обществе ведущей идеологией является идеология господствующего класса. Особенностью феодального общества была неоднородность господствующего класса. В его состав входили как светские, так и церковные феодалы. Конечно, между ними сохранялись определенные различия как в сфере материальной, так и духовной культуры. Однако несомненно и то, что более существенным различием было различие между господствующим классом и непосредственными производителями, чем различия внутри господствующего класса. Характерно, что противоречия между рыцарями и священнослужителями всегда отходили на задний план по мере обострения классового антагонизма.

*³ Ссылка на Фому Аквинского вдвойне неубедительна. Во-первых, потому, что это типичная формально-логическая ошибка — "довод к авторитету". Во-вторых, потому, что цитируемое высказывание свидетельствует о глубоком лицемерии Святого Аквината. Утверждая, что "любая ссылка на авторитет крайне неубедительна", он тем не менее руководствуется в своих работах прямо противоположным принципом. В "Сумме теологии", например, все положения (и не только касающиеся Откровения) обосновываются путем

ссылок на авторитеты — Священное писание и труды отцов церкви.

*⁴ И. Шумпетер видит различие между схоластическим цитированием и цитированием современных ученых в том, что первые больше полагались на авторитеты и, будучи коллективистами, "придавали огромное значение преемственности учения". В действительности главное различие заключается в другом: изменились и сами авторитеты, и сам характер цитат. Главным аргументом в научном исследовании стало не Святое писание, а обобщение практики, фактический и статистический материал.

*⁵ Средневековые университеты (от лат. *universitas* — совокупность) возникли в XII — XIII вв. в Италии, Испании, Франции и Англии как объединения или своеобразные союзы учителей и учащихся, отстаивавших свои права в борьбе с городскими коммунарами. В результате этой борьбы университетам удалось не только добиться самостоятельности, но и получить разнообразные привилегии от папы, императора, а позднее — и других коронованных особ. Полученные привилегии очень скоро привлекли к образовавшимся университетам много разнообразных лиц. Членами средневековых университетов постепенно стали не только учителя и ученики, но и лица, обслуживающие их нужды: книгопродавцы, переписчики книг, аптекари, трактирщики, банщики, лавочники, ростовщики и др.

*⁶ Рассуждение И. Шумпетера напоминает софизм. Считая, что нет чистого феодализма и чистого капитализма, он на основании этого полностью отрицает проблему перехода от феодализма к капитализму и тем самым проблему выделения качественных этапов в развитии человеческого общества. Конечно, и феодализм, и капитализм представляют из себя определенные теоретические модели, которые не покрывают в полной мере все многообразие реальной действительности. "Но в теории предполагается, — писал К. Маркс, — что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд, Т. 25. Ч. I, С. 191 — 192). К тому же главное заключается в том, что теоретические модели феодализма и капитализма верно схватывают основные черты указанных систем, позволяют объяснить их функционирование (что может легко быть доказано на основании фактического и статистического материала).

*⁷ Пигу Артур Сесил (1877 — 1959), английский экономист, представитель кембриджской школы буржуазной политической экономии. Обосновывал необходимость вмешательства государства в экономику для повышения благосостояния общества. Хотя понятие "экономическое благосостояние" является одним из центральных в его теории, Пигу

не дает его точного определения. Отмечая чрезвычайную многоплановость этого понятия, он выделяет два основных положения: "во-первых, понятие "благосостояние" отражает элементы нашего сознания и, возможно, взаимозависимость этих элементов; во-вторых, благосостояние может быть описано понятием "больше — меньше"... Единственным очевидным инструментом, пригодным для измерений в сфере общественной жизни, служат деньги. Следовательно, наше исследование ограничено рамками той сферы общественного благосостояния, где можно прямо или косвенно применить шкалу измерения с помощью денег. Эта сфера благосостояния может быть названа "экономическое благосостояние" (Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. 1. М.: Прогресс, 1985, С. 73-74). Подобная категориальная неопределенность основного понятия позволяет И. Шумпетеру сблизить теорию схоластов со взглядами А. Пигу.

*⁸ Менгер Карл (1840 — 1921), австрийский экономист, основатель австрийской школы политической экономии, один из основоположников теории предельной полезности. Анализу экономических взглядов К. Менгера была посвящена специальная статья И. Шумпетера, опубликованная в 1921 г. и позднее включенная в его книгу "Десять великих экономистов. От Маркса к Кейнсу" (Schumpeter J.A. Ten Great Economists From Marx to Keynes. L., 1951. P. 80 — 90).

*⁹ Фишер Ирвинг (1867-1947), американский экономист и статистик, опубликовавший ряд сочинений по экономико-математическим методам анализа, теории денежного обращения и кредита. Анализу экономических взглядов И. Фишера была посвящена специальная статья И. Шумпетера, опубликованная в 1948 г. и включенная позднее в книгу "Десять великих экономистов..." (Schumpeter J. A. Ten Great Economists. From Marx to Keynes. P. 222 - 238).